

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Белошицкая Н. Н. Драматургичность обиходного дискурса : стратегический подход / Н. Н. Белошицкая // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 30—50. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-30-50.

Beloshitskaya, N. N. (2025). Dramaturgical Nature of Everyday Discourse: A Strategic Approach. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 30-50. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-30-50. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Драматургичность обиходного дискурса: стратегический подход

Белошицкая Наталья Николаевна

orcid.org/0000-0002-0899-1828

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка
n.beloshickay@narfu.ru

Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Dramaturgical Nature of Everyday Discourse: A Strategic Approach

Nataliya N. Beloshitskaya

orcid.org/0000-0002-0899-1828

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the English
n.beloshickay@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется феномен драматургичности обиходного дискурса. Драматургичность дискурса рассматривается как аспект дискурса запланированного, порождаемого усилиями субъектов интеракции. В качестве исходного принят тезис о том, что в обыденной реальности языковая личность замечает наличие сценарных предписаний, если они нарушаются. Поэтому для анализа были выбраны жанры, предполагающие акцентуацию формы выражения: шуточный обмен оскорблениями, колкостями, светская беседа, комплимент. Иллюстративным материалом послужили ситуации обиходного дискурса, представленные в текстах художественных произведений Национального корпуса русского языка. Поиск осуществлялся с помощью лексических единиц, номинирующих действие, образ выполнения действия, названия выбранных жанров: «любезно», «светски», «светская беседа», «шутка», «шутить». Общий корпус языкового материала составил 91 текстовый отрывок. Был выполнен прагмалингвистический, дискурсивный и компонентный анализ. Выявлено, что наиболее частотной тактикой стратегического конструирования драматургичности выступает выбор тональности, так как тональность задает интерпретативные рамки. Анализ материала показал, что акцентуация формы выражения как проявление лингвокреативности при реализации стратегий драматургичности сопровождается конвенционализацией коммуникативных ходов, приобретением ими символической функции.

Ключевые слова:

драматургичность дискурса; акцентированная драматургичность; стратегия самопрезентации; стратегия самокоррекции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the phenomenon of the dramaturgical nature of everyday discourse. The dramaturgical aspect of discourse is examined as a planned construct, generated through the efforts of interactional subjects. It is posited that in ordinary reality, linguistic individuals recognize the presence of scripted norms when they are violated. To analyze this phenomenon, genres that emphasize the form of expression were selected, including playful exchanges of insults, witty remarks, social conversation, and compliments. The illustrative material consists of instances of everyday discourse found in literary texts from the *Russian National Corpus*. The search was conducted using lexical units that denote actions, forms of action execution, and titles of the chosen genres: “courteously,” “socially,” “social conversation,” “joke,” and “to joke.” The overall corpus of linguistic material comprised 91 textual excerpts. A pragmatic-linguistic, discursive, and componential analysis was performed. It was revealed that the most frequent tactic in strategically constructing dramaturgical elements is the choice of tonality, as tonality sets interpretative frameworks. The analysis indicated that the emphasis on the form of expression, as an instance of linguistic creativity in implementing dramaturgical strategies, is accompanied by the conventionalization of communicative moves, which acquire symbolic functions.

Key words:

dramaturgical discourse; emphasized dramaturgy; self-presentation strategy; self-correction strategy.

Драматургичность обиходного дискурса: стратегический подход

© Белошицкая Н. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Идея о театральности социального устройства и человеческого поведения не нова. Широкую известность приобрела концепция театральности Н. Н. Евреинова — «он видел театр во всей жизни человека» [Почепцов, 2001, с. 179]. Резонирует с таким взглядом и позиция В. И. Карасика: «Драматургическое осуществление общения представляет собой одну из ипостасей любого социального действия» [Карасик, 2021, с. 143].

В своем исследовании драматургичности дискурса исходим из положения о том, что в процессе социальных интеракций человек выступает как носитель и исполнитель многочисленных ролей. Решение потребностных задач, достижение эффективности коммуникации требуют адаптации речевого поведения к условиям коммуникативной ситуации. Выступая средством концептуализации явлений и отношений социальной действительности, язык не может не отражать драматургичности речевого поведения в форме лексем, фразеологизмов, идиом: *наигранно, притворно, преувеличенно, напустить вид, сделать вид, надеть маску, разыгрывать роль* и многие другие. Концептуальное осмысление драматургичности коммуникации, таким образом, может быть рассмотрено в проекции оппозиции «искренность — неискренность». С. Н. Плотникова понимает неискренность как дискурсивную стратегию языковой личности, «направленную на интенциональное выражение ложных пропозиций и их соответствующее языковое оформление» [Плотникова, 2000, с. 5]. М. В. Шпильман исследует феномен притворства как лицемерного поведения на примерах театральных и игровых метафор [Шпильман, 2023]. Неискренние речевые акты в свете исследования явлений, описываемых в терминах *ложь, манипуляция, притворство, неискренность*, стали предметом исследования в работе Л. Р. Безуглой [Безуглая, 2015]. Тем не менее было бы неправильно анализировать драматургичность конструирования дискурса лишь в проекции концептуальной дихотомии «искренность — неискренность»,

сужая тем самым спектр иллюкуций субъектов дискурса. В орбиту исследования драматургичности как параметра конструирования дискурса мы включаем широкий перечень поведенческих стратегий, направленных на достижение того или иного перлокутивного эффекта.

Общеметодологический план изучения драматургичности дискурса образуют и такие аксиоматические интервенции из смежных областей гуманитарного знания, как целенаправленность действия человека [Вебер, 1990], понятие драматургического действия [Хабермас, 2022], понимание перформанса исполнения как структуры, «превращающей индивида в сценического исполнителя» [Гофман, 2003, с. 32]. Содержательно драматургичность определяется когнитивным планом стратегического осмысления, тогда как внешняя структура драматургичности связана с формой выражения и характеризуется презентационностью [Олянич, 2004], перформативностью [Плотникова, 2018] фасцинацией, аттракцией [Карасик, 2021], провокативностью [Степанов, 2008].

Драматургичность представляет собой сложноструктурированный феномен. Стратегический подход оптимально высвечивает перформативную сущность драматургичности, фокусируясь на ключевой роли субъектов дискурсов в конструировании дискурса. Данный подход позволяет выявить динамику реализации и коррекции замысла субъектов в процессе последовательно предпринимаемых речевых действий. Когнитивные сценарии, с помощью которых человек конструирует дискурс, как правило, конвенциональны — «человек имеет знание того, как действовать и как говорить в каждой конкретной ситуации общения» [Плотникова, 2015, с. 77]. В связи с этим драматургичность конструирования дискурса в первом приближении может быть выявлена и зафиксирована в ситуациях нарочито драматургичных, когда жанровые условия требуют достаточной степени сформированности дискурсивной компетенции, или в случаях намеренного изменения конвенционального сценарного плана в типичной ситуации общения. Степень интенсивности драматургичности конструируемого дискурса может быть представлена в виде градуируемого континуума. Акцентированная драматургичность являет собой самый ярко выраженный тип. Задачей исследования служит выявление ситуативно обусловленной драматургичности обиходного дискурса в преломлении к жанровым формам. В фокусе исследовательского внимания оказывается стратегичность речевого поведения языковой личности в обиходном дискурсе. Наше исследование выполняется в русле прагмалингвистических теорий, поскольку посвящено изучению того, как личностно-обусловленные смыслы, детерминированные социально-культурным контекстом, конструируют драматургичность дискурса. Анализ стратегий драматургичности, их фик-

сация, определение жанровой природы типичных ситуаций актуализации этих стратегий в речевом поведении и установление их корреляции с социально-психологическим типом языковой личности позволят детальнее изучить сущность драматургичности дискурса.

Явление драматургичности дискурса не подвергалось прагматическому осмыслению, и модель драматургичности еще предстоит разработать. Однако на данный момент существуют подробно описанные и изученные феномены презентационности дискурса [Олянич, 2004], не прямой коммуникации [Дементьев, 2006], жанровой обусловленности дискурсивного мышления [Седов, 2004], стратегического построения коммуникации [Иссерс, 2008; Карасик, 2021], которые составляют методологию изучения драматургичности дискурса.

Порождение драматургичного дискурса языковой личностью предполагает наличие определенных структур знаний и связывается с ситуацией общения (коммуникативной ситуацией). Данный тезис опирается на теоретические модели ситуации и контекста ситуаций в работах Д. Хаймса и М. Хэллидея [Hymes, 1972; Halliday et al., 1989]. «Мы знаем, что другой человек собирается сказать. У нас всегда есть четкое понимание, что произойдет дальше, поэтому мы редко удивляемся. Мы можем быть немного удивлены, но удивление всегда в рамках чего-то, что потенциально могло случиться» [Halliday et al., 1989, с. 9] (перевод наш. — Н. Б.).

Связь категории ситуации с речевым поведением и речевыми жанрами получила осмысление и в психолингвистике: «Претендуя на языковую исключительность, люди в сходных коммуникативных ситуациях часто ведут себя поразительно одинаково. Это связано и с тем, что говорящие в каждый момент своей речевой биографии демонстрируют особенности группового речевого поведения» [Седов, 2004, с. 101].

Таким образом, драматургичность дискурса конструируется с опорой на особые структуры знаний, порождается в рамках определенной ситуации общения и опосредуется фреймами жанрового взаимодействия носителей языка и культуры. Каждый жанр обладает потенциалом для драматургичного осмысления и разыгрывания, задает пределы свободы и правил, которые, как и характер статусных отношений, опосредованы культурными нормами: «Жанры (фреймы) являются источником типичных импликатур, пресуппозиций, презумпций и фоновых знаний, актуализируемых в ситуации общения» [Дементьев, 2006, с. 255].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Жанровая отнесенность ситуаций, выступающих объектом анализа, определена задачами данного исследования — выявить стратегии драма-

тургичности в обиходном дискурсе. Предполагаем, что в обиходном дискурсе стратегии драматургичности могут наблюдаться при конструировании жанров шуточного обмена оскорблениями, колкостями, комплимента, в светской беседе. Такое предположение основывается на том факте, что само дискурсивное конструирование этих жанровых форм зиждется на необходимости планирования, обдумывания стратегической реализации. Драматургичность отличает эти жанры и позволяет отнести их к риторическим жанрам: «Очевидно, один и тот же жанр может быть чисто речевым при отсутствии специально спланированного, сознательно использованного построения речи и употребления в ней определенных языковых средств и риторическим — в случае сознательного планирования и употребления тех или иных средств (подчеркнутая вежливость просьбы, подчеркнутая императивность приказа и т. д.)» [Сиротинина, 1999, с. 27].

Заметим, что в исследованиях, посвященных коммуникативно-речевой категории не прямой коммуникации [Дементьев, 2006], указанные выше жанры относятся к косвенным. Это связано с тем, что требования к организации речи состоят в выборе не прямой коммуникации второго типа, для которой «характерно программирование интерпретации адресата» [Там же, с. 20]. Программирование интерпретации есть не что иное, как планирование и намеренная реализация стратегии в интересах адресанта, что позволяет нам связать драматургичность с данным типом не прямой коммуникации.

Ключевым компонентом коммуникативной ситуации при анализе драматургичности построения дискурса выступает адресант (субъект) дискурса. Тактические решения — выбранные средства реализации стратегий драматургичности — детерминируются типом языковой личности и уровнем сформированности дискурсивной компетенции.

Предварим анализ языкового материала обзором основных стратегий драматургичности. Принимая в качестве отправной точки при определении стратегий драматургичности функции языка, можно предположить, что прототипическая иллюция драматургичности дискурса — воздействие на адресата. Например, порождение эстетически значимых коммуникативных смыслов. В данном случае мы наблюдаем языковую игру ради игры, реализацию языком функции воздействия — фасцинации. Данный тип драматургичности восходит к ритуальным культурным практикам и с этой позиции подвергался изучению в социолингвистике, антропологии, фольклористике [Hymes, 1972; Bauman, 1975]. Перформанс есть единица такого типа драматургичности. Ему свойственна стилистическая вторичность, имитационный характер, что во многом и определяет фасциативность воздействия. Перформанс как прототипичная разновидность драма-

тургичности дискурса позволяет выявить такую сущностную характеристику, как двуплановость, когда усилия субъекта фокусируются на манере и форме сообщения. Импликативный смысл играет большую роль, чем непосредственно представленное значение в поверхностной структуре речевых действий. Мы полагаем, что двуплановость дискурсивной деятельности субъектов, участвующих в конструировании социальной реальности, реализуется через выбор соответствующей тональности. В. И. Карасик обозначает такую тональность через термин *сценическая* [Карасик, 2021, с. 134]. Именно выбор тональности как способа представления темы сообщения субъектом дискурса служит важным тактическим ходом драматургического выстраивания дискурса. Перформативный характер выбора тональности при конструировании дискурса согласно замыслу субъекта определяется тем, что содержание тональности — это «психологическое самораскрытие автора, обладающее, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата...» [Матвеева, 1996, с. 211]. В обиходном дискурсе фасцинативность воздействия служит основной иллюзией ключевого проявления драматургичности дискурса — стратегии самопрезентации.

Субъект самопрезентации стремится воздействовать на адресата — заворожить, привлечь, вдохновить или обмануть. Реализация стратегии самопрезентации также может принимать акцентированные формы. Умение вести себя, презентовать себя должным образом соотносится с конструированием имиджа, созданием образа себя, способом управления своим положением.

Категория лица, введенная в научный оборот социологическими концепциями, обладает несомненной эвристической ценностью в исследовании драматургичности дискурса. В концепции социальной драматургии И. Гофмана сохранение лица определяется в качестве условия взаимодействия. Исследователь пишет: «Обретение собственного лица, свободное выражение своих подлинных убеждений, высказывание неодобрения в адрес других либо решение проблем и выполнение задач, — как правило, достигаются таким образом, чтобы не помешать сохранению лица» [Гофман, 2009, с. 26]. Мы рассматриваем стратегию сохранения лица в качестве реализации драматургичности дискурса. Эффективность реализации стратегии напрямую связана с репертуаром приемов (тактических решений). Так же как в прагмалингвистических и психолингвистических концепциях, в подходе Гофмана коммуникативная ситуация общения берется за единицу анализа речевого поведения. Исследователь проводит корреляции между структурой личности и структурой речевого общения. «Автоматически ориентируясь на сохранение лица, он (участник интеракции) пони-

мает, как вести себя в разговоре. Он постоянно задает себе вопрос: “Если я поступлю или не поступлю вот так-то, не приведет ли это к потере лица мною или другими?” — и в каждый конкретный момент осознанно или неосознанно решает, как себя повести» [Гофман, 2009, с. 53].

В тесной связи со стратегией сохранения лица выступает стратегия самокоррекции. Категории адресанта, адресата и наблюдателя в равной степени существенны при драматургической развертке этой стратегии. Принятие линий поведения друг друга необходимо для эффективного общения.

В качестве языкового материала используем описания ситуаций обиходного дискурса, представленные в текстах художественных произведений. На наш взгляд, именно художественные тексты операционально наиболее пригодны для анализа средств конструирования драматургичности дискурса. Единицей анализа принимаем коммуникативную (речевую) ситуацию, так как дискретность и динамика нарративной структуры коммуникативной ситуации потенциально позволяют наблюдать развертку дискурсивной деятельности участников ситуации от замысла, интенций до их реализации в виде социальной интеракции, которая, в свою очередь, может иметь планируемый перлокутивный эффект или завершиться коммуникативной неудачей. Более того, художественный текст позволяет наблюдать последовательность реализации стратегий субъектом дискурса в динамике, рецепцию тактических шагов другими участниками интеракций, коррекцию стратегической развертки. Метакомментарии автора (наблюдателя) и субъектов эксплицируют когнитивный план, обеспечивая допуск к структурам знаний.

Обращение к смежным лингвистическим направлениям: теории дискурса, жанроведению, теории текста, психолингвистике, когнитивной лингвистике — обеспечивает адекватный инструментарий для изучения драматургичности дискурса. Основными категориями анализа выступают интенция, коммуникативная ситуация, языковая личность, стратегия, тактика, перлокуция, импликатура. Методами анализа служат компонентный анализ (анализ набора пресуппозиций, интенций, импликационала, импликатур), прагмалингвистический анализ (анализ условий успешности, анализ коммуникативной ситуации), дискурсивный анализ, лексико-стилистический анализ, корпусный метод.

Поясним принцип отбора языкового материала. Рассматривая драматургичность дискурса с позиции участников — адресанта, адресата, наблюдателя — социальных интеракций, интерпретирующих содержание сообщения и корректирующих свои тактические решения, можно определить стратегии драматургичности, прагматически маркированные языковыми единицами, которые приобрели знаковый характер и выступают сиг-

налами того или иного конвенционального смысла. Такие прагматические маркеры дают сигналы для интерпретации адресату, а также могут быть сигналами и со стороны адресата. Например, частотность использования оборота *в таком тоне* позволяет сделать вывод о возможности маркирования этим оборотом социальной роли, тактики сохранения лица, «искреннего непонимания», возмущения, угрозы [Белошицкая, 2024]. В свою очередь адресат в социальной интеракции в условиях обиходного дискурса может сигнализировать факт интерпретации смысла такими выражениями: *не прикидывайся, хватит строить из себя* и др.

Таким образом, поиск дискурсивных отрывков для анализа в рамках данного исследования осуществлялся в Национальном корпусе русского языка (подкорпусе художественных текстов) с помощью маркеров, в качестве которых выступали номинации действия, образа выполнения действия, названия выбранных жанров. Следующие слова и выражения послужили маркерами стратегий драматургичности для отбора ситуаций: *любезно, светски, светская беседа, шутить, шутка*. Данные маркеры отмечают метаразмышления участников дискурса или наблюдателя (автора) и позволяют выявить интерпретативные механизмы, пресуппозиции, сценарные решения при выборе тактического хода. Мы полагаем, что ситуации общения, маркированные метасигналами жанров шутливого общения, обмена колкостями, а также жанра «светская беседа» позволят наблюдать проявления акцентированной драматургичности, что служит благодатным материалом для анализа тактических решений и средств реализации драматургичности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Конвенционализация тактического выбора тональности

После предварительного лексико-стилистического анализа общий корпус языкового материала составил 91 текстовый отрывок. Эти фрагменты представляют собой коммуникативные ситуации в жанровых формах шутливого общения, обмена колкостями, комплимента, светского общения.

Анализ текстовых отрывков с лексемой *любезно* позволяет сделать вывод о том, что тональность, номинируемая автором-наблюдателем или субъектом дискурса через данный маркер, в ситуациях бытового обиходного общения характеризуется двуплановостью и задает рамки интерпретации для выведения сущностного имплицитно заложенного смысла. В речевом сознании данный маркер связывается с нарочитостью, формальной акцентированностью, демонстративностью, что позволяет легко реконструировать истинный смысл сообщения. Как правило, тактическое решение в виде подобной двуплановой тональности определяет конфликтогенность ситуа-

ции или демонстративно шутливый характер. Маркер тональности *любезно* в таких ситуациях сопровождает акцентированную драматургичность стратегического исполнения. Обращаясь к классификации языковых личностей относительно поведения в конфликтных ситуациях К. Ф. Седова [Седов, 2004, с. 91], можно предположить, что куртуазная языковая личность склонна к выбору тактики имплицитного высмеивания мнения собеседника через выбор сценарной тональности, обозначенной наречием *любезно*. Эту тактику обозначим как единицу общей стратегии сохранения лица.

Пример 1. *Мне здесь два шага. — Давай по-умному, — сказал Олег, — мы ведь взрослые люди... Зачем ругаться? — Может быть, ты захочешь предложить мне дружбу? — любезно осведомилась Таня и свернула в переулок* (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора) [НКРЯ].

Косвенный эффект речевого акта, выраженного вопросительным высказыванием (*Может быть, ты захочешь предложить мне дружбу?*), достигается несоответствием имплицированного смысла и поверхностного локутивного значения. Агональная импликатура, легко выводимая в рассматриваемой коммуникативной ситуации, актуализируется именно интонационным решением. Автор-наблюдатель маркирует интонационное оформление наречием *любезно*. В жанрах обиходного дискурса, конструируемых субъектами в условиях короткой социальной дистанции, насмешливая, язвительная тональность может реализоваться через подобный диссонанс эксплицитно выраженного и имплицитного смысла.

Заметим, что и наречие *любезно*, непосредственно номинирующее и оценивающее действие адресата в конфликтогенной ситуации, выполняет такую же прагматическую задачу, как и рассмотренный выше тактический ход — выбор «любезной» тональности.

Пример 2. *Смешно и очень любопытно. В общем-то, это здорово, что ходите вы сейчас везде, смешные мальчики. Очень я рад, что вы ходите повсюду и выдумываете разные штуки. — Очень любезно с вашей стороны. Спасибо от имени смешных мальчиков. — Ты не сердись. Я уверен, что ты будешь писателем. — Без дураков?* (Василий Аксенов. Звездный билет) [НКРЯ].

В примере выше адресат оценочного высказывания-экспрессива (*очень любезно с вашей стороны*) быстро и точно определил истинный смысл высказывания и скорректировал речевое поведение, чтобы избежать конфликта и минимизировать потери своего социального лица.

Можно предположить, что двуплановость как имплицитный смысл насмешки, язвительной тональности, достигаемый через переворачивание позитивной семантики, в частности в случае с лексемой *любезно*, в обиходном дискурсе действует как средство нарочитой акцентированности.

Наблюдаем конвенционализацию тактического выбора любезной учтивой тональности для передачи агональной имплицатуры в жанрах ссоры, обмена колкостями, шутливой перепалки.

Пример 3. — *Гаранин не торопился садиться. — А кто тебе мешает? — Конь в пальто. Что тебе заказать? — Очень любезно, — наморщила она лоб. — Возьми мне пиццу с морепродуктами, мороженое и кофе. Если это не очень стеснит твои финансы, конечно, — насмешливо добавила она. — Не волнуйся. Как-нибудь выживу* (Влада Валеева. Скорая помощь) [НКРЯ].

Третий пример акцентированной драматургичности дискурсивной развёртки демонстрирует комплекс средств тактической реализации стратегии сохранения лица участника коммуникации: насмешливая тональность находит выражение и в выборе нарочито вежливой фразы клише, уместной в ситуациях более высокого регистра общения, и в интонационном исполнении, о чем свидетельствует само наречие *насмешливо*. Фразы-реакции собеседника представляют тактическую реализацию стратегии самокоррекции. Он принимает линию поведения собеседницы, обращая в шутку язвительные выпады и тем самым успешно нивелируя агрессивный посыл.

Тактика нарочито любезной тональности как привычный отретпетированный во множестве типичных ситуаций бытового межличностного общения шаг представляет собой перманентную характеристику речевого поведения языковой личности, единицу стратегии самопрезентации.

Пример 4. *Вечно твои парадоксы, — сказала Марина Петровна. — Игра ума, — сказал он. — Вот именно — ума, а чувства — ни на грош! — Ты, конечно, имеешь в виду мое отношение к тебе? — любезно осведомился он. — Остановите, пожалуйста, машину, — попросил Леонид Сергеевич. Он сказал это таким беспокойным тоном, что Георгий Александрович тотчас затормозил, а Марина Петровна испуганно обернулась: — Что случилось?* (И. Меттер. В автомобиле) [НКРЯ].

В предлагаемом примере наблюдаем ситуацию ссоры, выяснения отношений между супругами. Левый контекст позволяет реконструировать общую линию речевого поведения героев. Наличие публики — третьего, невольного участника интеракции — актуализирует драматургичность привычного обмена колкостями между супругами. Они исполняют свои привычные роли, но делают это более демонстративно, нарочито презентуя себя новому знакомому. Именно для наблюдателя ситуации участник спектакля вскрывает истинный смысл эмоционального посыла своей супруги, насмешливо переворачивая пафос ее сообщения с помощью любезной тональности. Сценарий привычного разворачивания ссоры нарушается неожиданным бегством зрителя, без которого данный спектакль теряет смысл.

3.2. Акцентированность ролевого исполнения в условиях социальной интеракции

Метаразмышления участников интеракций позволяют выявить усилия по исполнению предписанных социумом ролей. Это тонко подмечено С. Н. Плотниковой: «Поскольку в непосредственной интеракции адресат не всегда может занять позицию стороннего наблюдателя, его осмысление и вербализация дискурсивного концепта собеседника часто происходит уже после завершения дискурса» [Плотникова, 2018, с. 83].

Любезно как метамаркер тональности исполнения зачастую сигнализирует о взаимодействии участников интеракций как носителей ролей. Из тридцати двух отобранных ситуаций, маркированных данной тональностью, двенадцать дискурсивных отрывков демонстрируют акцентированность ролевого исполнения.

В ситуациях межличностного общения обиходного дискурса тональность участника взаимодействия, обозначаемая с помощью лексемы *любезно*, маркирует стратегию самопрезентации при исполнении той или иной социальной роли. Акцентированность ролевого исполнения получает оценочную интерпретацию собеседника или наблюдателя. Участник взаимодействия корректирует выбранную линию поведения, адаптируясь к изменениям в тактиках собеседника. Наблюдаем частотность экспликации негативной оценки в когнитивном плане участника взаимодействия.

Пример 5. — *Без пропуска, — сказал охранник Гимнюк, исключительно любезно улыбаясь и исключительно внимательно глядя Вадиму в глаза, — не могу.*

— *Слушайте, — Вадим из последних сил пытался удержаться в навязанных рамках подчеркнутой светскости. — Вы же меня прекрасно знаете. Вы меня, pardon, каждый день видите. По десять раз* (Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. Головоломка) [НКРЯ].

Охранник следует профессиональным ролевым предписаниям, демонстрируя эффективность работы социального лица. Второй участник взаимодействия вынужден корректировать свою линию поведения, о чем повествует метакомментарий тактического выбора следующего коммуникативного шага: *из последних сил пытался удержаться в навязанных рамках подчеркнутой светскости*. Отчужденная вежливая непреклонность охранника (*исключительно любезно улыбаясь*) придает акцентированную форму реализации стратегии самопрезентации и получает негативную оценку у адресата.

Заметим, что нарочитая вежливость, учтивость собеседников (любезная тональность) может быть сигналом смены регистра, увеличения дистанции между собеседниками, установки границ дозволенного в комму-

никативном обмене, то есть реализации стратегии сохранения лица через избегание коммуникации. Это ярко иллюстрируется метаразмышлениями субъекта интеракции в примере ниже:

Пример 6. *Извините, что вмешался. Ладно, спасибо за чай. В гостях, как говорится, хорошо, а дома лучше. — Не забывайте нас, Евгений Александрович, заглядывайте, — любезно проводила старуха гостя. «Татьяна Львовна — это нечто, — думал Каплевич, идя к себе. — **Ведь не сказала прямо: не суй свой длинный нос, куда не просят. Ничего такого не сказала, была мила и обходительна, а впечатление — будто на тебя ушат холодной воды вылили*** (Влада Валеева. Скорая помощь) [НКРЯ].

Стратегия самокоррекции активизируется в случае успешного выведения имплицатуры речевых ходов, осуществленных в тональности чрезмерной любезности. Наблюдаем актуализацию конвенциональных средств демонстратива, когда любезная тональность приобретает символическую функцию отказа от коммуникации. В целом косвенность выражения иллюкутивного смысла направлена на сохранение как своего лица, так и лица собеседника.

3.3. Драматургичность жанра светской беседы

Первичное прямое значение лексемы *любезно* связывается в языковом сознании с оценкой учтивого, вежливого поведения в жанровых рамках светской беседы. Элементы фасцинативной акцентированной драматургичности перформанса имеют место при конструировании светской беседы (общение ради общения), позитивной самопрезентации. Жанро-определяющим фактором и оценочно-нейтральным маркером выступает любезная тональность в стратегическом конструировании ситуаций светской беседы, демонстрируя дискурсивную компетентность языковой личности и широкий репертуар приемов сохранения лица.

В следующем примере наблюдаем разрешение щекотливой коммуникативной ситуации с помощью переключения в жанр светской беседы. Композиционно-стилевое решение изысканной формы межличностного общения требует обращения к череде сменяющихся друг друга субжанров как условия успешной реализации взаимодействия. В частности, любезная тональность в своей прямой первичной социальной функции маркирует субжанр комплимента: — *Ты чудесно выглядишь, Марек, — любезно заметила она.*

Пример 7. *Можно сойти с ума! Он почему-то весело засмеялся, кинулся целовать ей руку, а она, подав великосветским движением сушеную кисть, стояла перед ним, хрупкая и величественная ... Своей наманیکیрованной ручкой отвела великосветская старушка всеобщую неловкость, и всем членам семьи стало совершенно ясно, как надо себя вести в этой нештатной ситуации. — Ты чудесно выглядишь, Марек, — любезно заме-*

тила она. — *Годы идут тебе на пользу* (Людмила Улицкая. Пиковая дама) [НКРЯ].

Анализ стратегического взаимодействия в рамках конструирования светского общения в отобранных дискурсивных отрывках позволяет заметить ряд рефлексий относительно ключевых характеристик речевого и — шире — коммуникативного поведения. Во-первых, светское общение предполагает следование правилам ритуализованного общения. Во-вторых, существуют когнитивные сценарии дискурсивного конструирования интеракции в этой жанровой форме, предписывающие композицию, тематический отбор и форму подачи информации. В-третьих, важным условием выступает принятие ролевой модели участника светского общения. Иными словами, светское общение подразумевает свойство, которое интерпретируется адресатом как способ управления собой. Жанровое переключение на светское общение маркирует стратегию самопрезентации. Акцентированная драматургичность в жанровой ситуации светского общения подвергается социальной семиотизации. В языковом сознании драматургичность конструирования дискурса в ситуации светской беседы связывается с ярким лингвокультурным типажом [Карасик, 2007].

Пример 8. *Принимая приглашение за чужой столик, Вертинский вел себя светски: что-то рассказывал, общался «на равных» — был открытым, добрым, общительным ...* (Н. Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая) [НКРЯ].

Пример 9. *Жемчужников был светски очарователен в обращении, говорил, как говорили многие красивые старики высшего круга, привыкшие блистать в гостиных и неизменно бодрящиеся на людях* (И. А. Бунин. Из записей) [НКРЯ].

Риторический жанр светской беседы требует драматургического исполнения. Перформативность драматургичности проявляется здесь особенно ярко, принимая акцентированные формы. Акцентуация охватывает не только речевое поведение, но и коммуникативное в целом, что подтверждается особым вниманием к деталям невербального поведения. Стратегия самопрезентации в жанровых условиях светского общения требует контроля над мимикой, жестами, положением тела.

Пример 10. *Своей вальяжностью, беспрекословностью в суждениях, умением вести светскую беседу на достойном идеологическом уровне, даже походкой ... он подавлял, морально властвовал над всеми* (Виктор Астафьев. Пролетный гусь) [НКРЯ].

Пример 11. *Вы знаете? — Да, разумеется, — как нельзя более светски кивнул изящный юноша, почувствовавший себя наконец-то в своей стихии* (В. Ф. Кормер. Наследство) [НКРЯ].

Конструируя перформанс, языковая личность стратегически само-презентует себя. Условием успешности дискурсивного конструирования светского общения является общее разделяемое знание социально-приемлемых норм и правил. Подтверждением тому служат ситуации, в которых сценарный план нарушается вследствие, например, неспособности исполнить роль светского собеседника.

Пример 12. *Борис Юльевич призывал к себе в помощь Остроумовых мастеров легкой, по верхам скользящей светской болтовни. Ведь на хозяйку дома рассчитывать не приходилось: ни звука ни по-английски, ни по-французски, да и по-русски, если на то пошло, ни звука! Приличная светская беседа, на таких приемах полагающаяся, была для Корнаковой так же недоступна, как иностранный язык (Н. И. Ильина. Дороги и судьбы) [НКРЯ].*

Мы замечаем драматургичность подобной социальной интеракции, когда нарушается привычный сценарий.

Однако нарушение сценарных ожиданий может быть намеренным тактическим приемом субъекта дискурса в реализации стратегии сохранения лица. Такое речевое поведение демонстрирует чужеродность жанра светского общения для русского языкового сознания и стремление преодолеть конформистские дискурсивные практики.

Пример 13. *Я представил им Нэлю Васильевну как знаменитого философа — это не комплиментарно, это справедливо, и мы о чем-то светски поболтали. И вот на какую-то реплику Шохина, кажется, он сказал, что был рад познакомиться, Нэли Васильевна вдруг ясно, холодно и определенно ответила: **так уж и рад, вы даже не взглянули на меня, потому что я вам не нужна.** Как-то эта ситуация затерлась, мы разошлись и уже за кремом, к которому мы приступили, она призналась, что давно хотела сказать это кому-нибудь из наших чиновников. Подвернулся Шохин (С. Н. Есин. Дневник) [НКРЯ].*

Рефлексирующий нарратив участников социальной интеракции позволяет зафиксировать «поставленность» неожиданного речевого хода одного из субъектов дискурса. Провокативность как элемент акцентированной драматургичности являет собой нарушение максимы кооперативного общения. Социальному лицу собеседника нанесен вред, но театральность жеста определяется тем фактом, что субъект дискурса заранее спланировал такой речевой поступок, для которого нужны были декорации светского общения и адресат-чиновник (не важно, кто именно).

Для решения практических задач интеракции светское общение как прием, сигнализирующий о готовности подстроиться под собеседника, скорректировать линию речевого поведения, принимает акцентированную форму.

Пример 14. *Здесь преискурнт другой. То есть вашими, Александр Павлович, словами. Я ему говорю: а совесть? И оба смеемся, я, правда, без души — как в городе сказали бы, светски <...> Шутить надо, когда в сердце если не умиление, то хотя бы пусто* (Анатолий Найман. Любовный интерес) [НКРЯ].

Маркер *светски* сигнализирует о неискренности как когнитивном основании драматургичности построения интеракции. Метаразмышления участника позволяют эксплицировать интенциональное основание тактического шага: *и оба смеемся, я, правда, без души*. Стратегия самокоррекции реализуется через принятие манеры собеседника — самомаскировку. Неискренность как концептуальное основание стратегии самокоррекции детерминирована интенцией субъекта дискурса — извлечь максимальную выгоду из ситуации.

В обиходном дискурсе неуместность акцентированной драматургичности светского общения подвергается ироничному осмыслению. Тактика перехвата коммуникативной инициативы в конструировании дискурса интеракции может принимать формы имитации речевой манеры собеседника, нарочитой вежливой тональности, неожиданного изменения темы разговора.

Пример 15. — *Ах, вы уже здесь? — Ах, я уже здесь, — сказал Сапожников. Она вздернула брови. — Как вам понравился город Рига? — светски бросила она. — Мне очень понравился город Рига... А какие у вас отметки по диктанту? — При чем здесь диктант?* (Михаил Анчаров. Самшитовый лес) [НКРЯ].

Нарушение жанровых ожиданий адресанта являет пример перформанса в обиходном дискурсе — игровое превращение навязываемого неискренного общения в жанровые формы шутильной беседы. Отказ от ролевого исполнения фальшиво-учтливой собеседника можно обозначить как последовательную реализацию стратегии самопрезентации.

3.4. Жанровые предпочтения как реализация стратегии самопрезентации

Анализ дискурсивных отрывков, маркированных номинацией риторических жанров, подтверждает, что жанровые предпочтения языковой личности в обиходном дискурсе являются необходимой составляющей самопрезентации как стратегии драматургичности. Приведем примеры самопрезентации субъекта через акцентированно игровое речевое поведение. Из корпуса текстовых отрывков с помощью лексем *шутка*, *шутить* были отобраны ситуации, которые позволяют в динамике пронаблюдать стратегию самопрезентации (примеры 16—19 взяты из одного источника). Рецепция тактических ходов адресантом и метакомментарии наблюдателя

позволяют выявить и зафиксировать усилия языковой личности в конструировании транслируемого образа.

Пример 16. *Михаил пытается по привычке шутить, но у него это теперь плохо получалось.*

Пример 17. *Михаил не переставал шутить, но в душе чувствовал смертную тоску.*

Пример 18. *Ты опять шутишь? Сколько можно?! — возмутилась Евдокия.*

Самопрезентация в качестве легкого, веселого собеседника принимает навязчивую форму, и уже ролевые предписания принятого образа диктуют герою форму речевого поведения. Субъект не способен скорректировать свое речевое поведение в соответствии с ожиданиями собеседников, так чтобы создать о себе более благоприятное впечатление.

Пример 19. *Дядь Миш, а скажите: в чём лучше хранить свои сбережения? — в мечтах. — Вы всё шутите, а я серьезно. Мы с братом собираем деньги и хотели их положить в банк. К кому мне следует обратиться? — к психиатру* (Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене) [НКРЯ].

Полученные в результате изучения жанровых предпочтений наблюдения о реализации стратегии самопрезентации могут быть полезны и для создания типологий языковых личностей: «Изучение жанрового наполнения сознания человека дает надежные критерии для создания типологии языковых личностей» [Седов, 2004, с. 96]. Анализ конструирования публичного образа (социального лица) с помощью комплекса стратегий драматургичности пересекается с проблемой изучения жанрового мышления языковой личности.

4. Заключение = Conclusions

Анализ особенностей реализации драматургичности в ряде жанров обиходного дискурса позволяет сделать вывод о том, что сущностными характеристиками, выступающими параметрами модели драматургичности дискурса, являются внутренняя содержательная структура типов драматургичности и внешняя структура. Под *внутренней структурой* мы понимаем семиотическую организацию драматургичности. *Внешняя структура* — это типы ситуаций, обуславливающие использование того или иного типа драматургичности и ее функции. Коммуникативные ситуации в рассмотренных жанровых рамках иллюстрируют механизмы лингвокреативности при реализации стратегий самопрезентации, сохранения лица и самокоррекции, а также рецепцию тактических ходов адресантом.

Формальная осложненность проявляется в нарочитости выражения, избыточности, демонстративности. Это находит реализацию с помощью

комбинации различных средств: выбора интонационного паттерна, отбора лексических средств, маркирующих кодовые и регистровые переходы, использования клишированных оборотов.

Рассмотренные жанры обнажают уровень дискурсивной компетентности языковой личности, поэтому и случаи успешной реализации драматургической интенции субъекта, и неудачи вследствие нарушения привычного сценария по вине самого субъекта или недостаточно компетентного адресата предлагают яркий иллюстративный материал драматургичности конструирования дискурса.

Анализ конструирования дискурса с позиции драматургичности стратегической реализации может осуществляться в траектории изучения когнитивного плана участников интеракций, зафиксированного в метаремарках и метакомментариях.

Исследование механизмов конструирования своего публичного образа (социального лица) через изучение комплекса средств моделирования драматургичности дискурса пересекается с проблемой изучения жанрового мышления языковой личности.

Драматургичность — это результат взаимодействия двух процессов: лингвокреативного процесса порождения дискурса говорящим, реализующим свою индивидуальную стратегию и личностные смыслы, а также процесса формализации коммуникации, концептуализации коммуникативных смыслов, их означивания, семиотизации и закрепления в жанровых формах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 14.07.2024).

Литература

1. Безуглая Л. Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры / Л. Р. Безуглая // *Жанры речи*. — 2015. — № 1 (11). — С. 30—37.
2. Белошицкая Н. Н. Драматургичность дискурса : когнитивно-прагматический потенциал метамаркера в ТАКОМ ТОНЕ / Н. Н. Белошицкая // *Научный диалог*. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 35—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52.
3. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с. — ISBN 5-01-001584-6.
4. Гофман И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман ; пер. с англ. ; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. — Москва : Институт социологии РАН, 2003. — 752 с. — ISBN 5-93947-011-4.

5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман ; пер. с англ. А. Д. Ковалева. — Москва : КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000. — 304 с. — ISBN 5-93354-006-4.
6. *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия : Очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман ; пер. с англ., под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2009. — 309 с. — ISBN 978-5-89357-276-6.
7. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. — Москва : Гнозис, 2006. — 376 с. — ISBN 5-7333-0181-3.
8. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.
9. *Карасик В. И.* Языковые картины бытия : монография / В. И. Карасик. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. — 468 с. — ISBN 978-5-98269-222-1.
10. *Карасик В. И.* Языковые ключи / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2007. — 520 с. — ISBN 978-5-903601-03-5.
11. *Карасик В. И.* Языковая пластика общения : монография / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2021. — 536 с. — ISBN 978-5-94244-077-0.
12. *Матвеева Т. В.* Тональность разговорного текста : три способа описания / Т. В. Матвеева // *Stylistyka V*. — Opole. — 1996. — С. 210—221.
13. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. — Волгоград : Парадигма, 2004. — 507 с.
14. *Плотникова С. Н.* Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира / С. Н. Плотникова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. — 2015. — № 3 (714). — С. 72—83.
15. *Плотникова С. Н.* Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий / С. Н. Плотникова // *Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование*. — 2018. — № 3 (31). — С. 78—86.
16. *Плотникова С. Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. Н. Плотникова. — Иркутск : Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2000. — 244 с.
17. *Плотникова С. Н.* Перформанс в коммуникации : аспекты когнитивно-дискурсивного моделирования / С. Н. Плотникова // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. — 2018. — Т. 17. — № 4. — С. 229—239. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22>.
18. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — Москва : Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2001. — 656 с.
19. *Седов К. Ф.* Дискурс и личность : эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 317 с. — ISBN 5-87604-031-2.
20. *Сиротинина О. Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О. Б. Сиротинина // *Жанры речи*. — Саратов : Колледж, 1999. — Выпуск 2. — С. 37—52.
21. *Степанов В. Н.* Провоцирование в социальной и массовой коммуникации : монография / В. Н. Степанов. — Санкт-Петербург : Роза мира, 2008. — 268 с. — ISBN 5-85574-223-4.
22. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. К. Судакова. — Москва : Весь мир, 2022. — 880 с. — ISBN 978-5-7777-0856-4.

23. Шпильман М. В. Феномен притворства и его метафорическое представление в русском языке / М. В. Шпильман // Критика и семиотика. — 2023. — № 1. — С. 73—84. — DOI: 10.25205/2307-1753-2023-1-73-84.

24. Bauman R. Verbal Art as Performance / R. Bauman // *American Anthropologist*. — 1975. — Vol. 77. — № 2. — Pp. 290—311.

25. Halliday M. A. K. Language, context and text : Aspects of language in a social-semiotic perspective / M. A. K. Halliday, R. Hasan. — Oxford : Oxford University Press, 1989. — 126 p.

26. Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life / D. Hymes // *Direction in Sociolinguistics : The Enthography of Communication* / ed. John J. Gumperz, and Dell Hymes. — New York : Holt, Rinehart and Winston, INC. 1972. — Pp. 35—71.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024,
одобрена после рецензирования 29.01.2025,
подготовлена к публикации 26.02.2025.

Material resources

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 14.07.2024). (In Russ.).

References

- Bauman, R. (1975). Verbal Art as Performance. *American Anthropologist*, 77 (2): 290—311.
- Beloshitskaya, N. N. (2024). Dramaturgy of Discourse: Cognitive-Pragmatic Potential of Metamarker ‘V TAKOM TONE’ [in such a tone]. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 35—52. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52> (In Russ.).
- Bezuglaya, L. R. (2015). Insincere speech acts and insincere speech genres. *Genres of speech*, 1 (11): 30—37. (In Russ.).
- Dementiev, V. V. (2006). *Indirect communication*. Moscow: Gnosis. 376 p. ISBN 5-7333-0181-3. (In Russ.).
- Habermas, Yu. (2022). *Theory of communicative activity*. Moscow: The Whole World. 880 p. ISBN 978-5-7777-0856-4. (In Russ.).
- Halliday, M. A. K., Hasan, R. (1989). *Language, context and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective*. Oxford: Oxford University Press. 126 p.
- Hoffman, E. (2009). *The ritual of interaction: Essays on face-to-face behavior*. Moscow: Smysl. 309 p. ISBN 978-5-89357-276-6. (In Russ.).
- Hoffman, I. (2000). *Presenting oneself to others in everyday life*. Moscow: CANON-press-C, Kuchkovo Pole. 304 p. ISBN 5-93354-006-4. (In Russ.).
- Hoffman, I. (2003). *Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 752 p. ISBN 5-93947-011-4. (In Russ.).
- Hymes, D. (1972). Models of the Interaction of Language and Social Life. In: *Direction in Sociolinguistics: The Enthography of Communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston, INC. 35—71.
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: LKI Publishing House. 288 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2007). *Language keys*. Volgograd: Paradigma Publ. 520 p. ISBN 978-5-903601-03-5. (In Russ.).

- Karasik, V. I. (2020). *Linguistic pictures of life: a monograph*. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language. 468 p. ISBN 978-5-98269-222-1. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2021). *Linguistic plasticity of communication: a monograph*. Moscow: Gnosis. 536 p. ISBN 978-5-94244-077-0. (In Russ.).
- Matveeva, T. V. (1996). Tonality of spoken text: three ways of description. *Stylistyka V. Opole*. 210—221. (In Russ.).
- Olyanich, A. V. (2004). *The presentation theory of discourse: a monograph*. Volgograd: Paradigma Publ. 507 p. (In Russ.).
- Plotnikova, S. N. (2000). *Insincere discourse (in cognitive and structural-functional aspects)*. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Linguistic University. 244 p. (In Russ.).
- Plotnikova, S. N. (2015). Discursive technologies and their role in the construction of the social world. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 3 (714): 72—83. (In Russ.).
- Plotnikova, S. N. (2018). Conceptual foundations of constructing discursive strategies. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 3 (31): 78—86. (In Russ.).
- Plotnikova, S. N. (2018). Performance in communication: aspects of cognitive-discursive modeling. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 17 (4): 229—239. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22>. (In Russ.).
- Pocheptsov, G. G. (2001). *Theory of communication*. Moscow: Refl-book, Kiev: Vakler. 656 p. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2004). *Discourse and personality: the evolution of communicative competence*. Moscow: Labyrinth. 317 p. ISBN 5-87604-031-2. (In Russ.).
- Shpilman, M. V. (2023). The phenomenon of pretense and its metaphorical representation in the Russian language. *Criticism and Semiotics*, 1: 73—84. DOI: 10.25205/2307-1753-2023-1-73-84. (In Russ.).
- Sirotnina, O. B. (1999). Some reflections on the terms “speech genre” and “rhetorical genre”. In: *Genres of speech*, 2. Saratov: College Publ. 37—52. (In Russ.).
- Stepanov, V. N. (2008). *Provocation in social and mass communication: a monograph*. Saint Petersburg: Rosa Mira Publ. 268 p. ISBN 5-85574-223-4. (In Russ.).
- Veber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress Publ. 808 p. ISBN 5-01-001584-6. (In Russ.).

*The article was submitted 04.11.2024;
approved after reviewing 29.01.2025;
accepted for publication 26.02.2025.*